

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-149-155

**РУССКИЙ НАРОД И ГОСУДАРСТВО:
ПОЛЕМИКА В. В. РОЗАНОВА И Н. А. БЕРДЯЕВА**

Картунова Ангелина Дмитриевна, студент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119992, г. Москва, пр-т Ломоносовский, 27, корп. 4
E-mail: kartangel@mail.ru

Пучнина Ольга Евгеньевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119992, г. Москва, пр-т Ломоносовский, 27, корп. 4
E-mail: srkpdv@gmail.com

В. В. Розанов (1856–1919) и Н. А. Бердяев (1874–1948) – самобытные русские философы и публицисты, несмотря на разницу в возрасте, были знакомы и лично и с творчеством друг друга. Комментарии относительно идей друг друга рассеяны по разным работам философов, однако был и краткий период активной взаимной полемики в публицистике. Несмотря на противоречивую оценку взаимного творчества и специфику религиозного мировоззрения каждого, они обращались к общим темам. Мыслители указывали на специфические черты русского национального характера – приоритет духовного начала над материальным, уступчивость и жертвенность русского человека, особое отношение к общественно-политической деятельности, однако каждый из них трактовал эту специфику по-своему. Розанов и Бердяев высказывали сходные мнения относительно роли и функций государственной власти в обществе: по их мнению, она прежде всего должна защищать людей от произвола и уменьшать количество зла в мире. Близкими были и их политические идеалы – как консервативные философы они отдавали предпочтение монархии. Однако Розанов и Бердяев по-разному оценивали задачи и цели, стоящие перед русским народом, а также имели разные мнения о причинах и следствиях Первой мировой войны для России.

Ключевые слова: Россия, русский народ, государство, религия, Розанов, Бердяев, война, монархия, мессианизм, публицистика

**THE RUSSIAN PEOPLE AND THE STATE:
THE POLEMIC OF V. V. ROZANOV AND N. A. BERDYAEV**

Kartunova Angelina D., student

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovsky Fve., Moscow, 119992, Russian Federation
E-mail: kartangel@mail.ru

Puchnina Olga E., Cand. Sc. (Politics), Senior Researcher

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119992, Russian Federation
E-mail: srkpdv@gmail.com

V. V. Rozanov (1856–1919) and N. A. Berdyaev (1874–1948) were original Russian philosophers and publicists, despite the age difference, they were familiar both personally and with each other's works. Comments on each other's ideas are scattered through various works of philosophers, but there was also a brief period of active mutual polemics in journalism. Despite the contradictory assessment of mutual creativity and the specifics of each person's religious worldview, they addressed common themes. Russian thinkers pointed out the specific features of the Russian national character—the priority of the spiritual principle over the material, the compliance and sacrifice of the Russian person, a special attitude to social and political activity, but each of them interpreted this specificity in their own way. Rozanov and Berdyaev expressed similar opinions about the role and functions of state power in society, in their opinion, it should first of all protect people from arbitrariness and reduce the amount of evil in the world. Their political ideals were also close – as conservative philosophers, they preferred the monarchy. However, Rozanov and Berdyaev had different views on the tasks and goals facing the Russian people, and also had different opinions on the causes and consequences of the First World War for Russia.

Keywords: Russia, Russian people, state, religion, Rozanov, Berdyaev, war, monarchy, messianism, journalism

Василий Васильевич Розанов (1856–1919) и Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – две яркие звезды на небосклоне отечественной интеллектуальной мысли конца XIX – первой половины XX в. Религиозные философы, блестящие публицисты, оригинальные мыслители – Розанов и Бердяев – были объединены не только одним историко-культурным контекстом, но и общностью социально-политических и философских проблем, которые они рассматривали.

Разумеется, они были знакомы и с творчеством друг друга, и лично, но несмотря на пересечения на идейно-теоретическом поле, их взаимная оценка личности и творчества была неоднозначной и даже несимметричной. Исследователи отмечают, что Розанов представлял для Бердяева гораздо больший интерес как идейный оппонент и вообще оригинальный мыслитель, нежели Бердяев для Розанова [16, с. 64]. «Всплеском» взаимной публицистической полемики можно назвать лишь период 1915–1916 гг., когда мыслители в прямом смысле «обменялись» несколькими статьями. Однако и в более ранний период, и позднее в работах обоих авторов проскальзывали комментарии и отсылки к идеям друг друга.

Одной из причин, по которой между яркими философами своего времени не развернулась большая дискуссия, по мнению современных исследователей, является несовпадение уровней философствования: «если Розанов в своей мысли был постоянно интересен для Бердяева и побуждал того отзываться и резонировать, то Розанову мысль Бердяева была не только несозвучна (в этом они оказывались симметричны), но и по существу своему неинтересна – говоря кратко, можно, на наш взгляд, утверждать, что сама по себе она представлялась Розанову “не о том” и “не так”» [16, с. 68].

Достаточно сложно в рамках одной статьи охватить всё содержание их взаимного идейного и личного отношения, однако можно отметить основные темы, затронутые в косвенном публицистическом общении мыслителей. Так, и Розанов, и Бердяев, не соглашаясь и критикуя взаимные идейные позиции, отдавали должное таланту и подчёркивали своеобразие творческого гения друг друга¹. Бердяев вспоминал о Розанове как об одном «из самых необыкновенных, самых оригинальных людей, каких мне приходилось в жизни встречать. Это настоящий уникум. В нём были типические русские черты, и вместе с тем он был ни на кого не похож» [6]. Розанов же, зачастую едко и резко комментировавший идеи Бердяева, отзывался о нём как об одной из «крупных умственных ценностей России за её текущие дни» [9].

Наиболее содержательный обмен мнениями Розанова и Бердяева посвящён религиозно-философским вопросам, поскольку мыслители расходились в понимании и интерпретации христианства и роли Церкви². Также Розанов и Бердяев по-разному «прочувствовали» изменения в тенденциях развития общественной мысли своего времени, что привело к спору о сущности нового религиозного сознания и «молодого московского славянофильства»³.

Однако можно выделить и более частные вопросы, затрагивавшиеся обоими авторами, которые позволяют реконструировать разницу взглядов в более широком социально-политическом контексте. Не претендуя на сравнительный анализ в целом воззрений Розанова и Бердяева, можно отметить именно те социально-политические темы, которые они сами выделили по ходу идейной «пикировки». Так, безусловно, одной из важнейших общих тем для Розанова и Бердяева было понимание сущности русского народа, его особенных черт характера и оценки его положения в мире.

Розанов оценивал русский народ как совершенно «а-политичный и внегосударственный» [14, с. 558], никоим образом не заинтересованный в активном политическом участии и предпочитающий заниматься делами «сладкими, личными, душевными» [14, с. 558]. Внутренняя духовная жизнь, по мнению Розанова, для русского человека гораздо важнее

¹ Наиболее известный и яркий пример – статья Бердяева «О “вечно бабьем” в русской душе» (1914), которая стала ответом на сборник Розанова «Война 1914 года и русское возрождение» (1914).

² Самый яркий пример – статья Бердяева «Христос и мир. Ответ В. В. Розанову», написанная по поводу нашумевшего доклада Розанова «О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» (1907).

³ Это отчётливо проявилось в серии статей Розанова, написанных по случаю публикации книги Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916) и тесно связанного с этой книгой цикла статей «Типы религиозной мысли в России», опубликованных в «Русской мысли» (1916).

материальных свершений и завоеваний, и именно в этом мыслитель видит его силу и залог мирного существования.

Сравнивая разные народы, например, русских с немцами, Розанов указывает на наше «женственное начало» в противовес немецкой «мужественности». Под женственностью, то есть уступчивостью и мягкостью, Розанов понимает скрытую силу, способность к обладанию и овладению [15, с. 353]. В сборнике «Война 1914 г. и русское возрождение» (1914) Розанов практически воспеваает Силу и сравнивает её воздействие на любого именно через призму женского взгляда, потому что для мыслителя важной чертой русской души как раз и является вечная женственность, подразумевающая покорность, скромность и смирение личности перед обществом, даже преклонение перед силой государственности. Женственный характер русского человека выражен в розановской фразе «я на тротуаре» [10], которую после неоднократно использовал Бердяев в полемике с Розановым. «Сила – вот одна красота в мире... Сила – она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, – молятся... Молятся вообще “слабые” – “мы”, вот “я” на тротуаре... В силе лежит тайна мира... Огромное, сильное... Голова была ясна, а сердце билось... как у женщин. Суть армии, что она всех нас превращает в женщин трепещущих, обнимающих воздух», – вспоминает свои ощущения Розанов при виде идущего по Петрограду конного полка [10]. «Я на тротуаре» является описанием духовного склада всего русского народа через призму розановских впечатлений.

Бердяев, оппонировав Розанову в работе «О “вечно бабьем” в русской душе» (1914) [5], утверждает, что женственность русского народа – это вовсе не полезная его особенность, а мощнейший тормоз в его развитии, гиря, мешающая русскому народу стать великодержавным народом. Поэтому «женственное» у Розанова становится «бабьим» у Бердяева. «Бабье» для Бердяева – это, в первую очередь, несвобода, унижение личности, пассивность, безответственность, зависимость от других «мужей», то есть государств и народов: «Розанов – генеральная русская баба, мистическая баба. И это “бабье” чувствуется и в самой России» [5].

Естественно, что и смысл бытия русского народа мыслители понимали по-разному. Так, по Бердяеву, у России есть великая миссия, которая состоит не в примыкании к Западу или к Востоку, но в объединении их в себе. И реализоваться это может лишь в случае преодоления «женственно-бабьего» в русской душе и пробуждения активного, мужественного, творческого начала. В более поздней работе «Новое Средневековье» (1924) [4] Бердяев подчёркивает, что Россия, стоящая между Востоком и Западом, пусть страшным и катастрофическим путём, но получает всё большее значение в мире, становится в центре мирового внимания. Русский народ должен объединять в себе христианские народы и привести их к вселенности, так как к этому расположен их национальный дух. Именно русский народ должен объединить воедино христианский космос и противостоять набирающему обороты интернационализму.

Розанов, напротив, видел в бердяевской идее мессианизма большую опасность и предостерегал от провозглашения таких масштабных задач перед русским народом: «Удивительно, что никому не пришло на ум, “как это место опасно”. Т. е. как опасно вообще и всемирно стремиться к первенству, исключительности, господству» [11]. Такие идеи кружат головы, приводят к безумствам. Именно стремление стать «первыми», показать своё исключительное право увидел Розанов в Германии, развязавшей Первую мировую войну. Он с горечью заключает, что «“первое место”, очевидно, принадлежит Богу и не принадлежит и никогда не должно принадлежать человеку, или группам его, народам. Отсюда-то и объясняется безумие. Мы, собственно, хотим сесть на “Божье место”» [11]. «Противоядием» таких устремлений в русском человеке Розанов, склонный к парадоксам и афоризмам, считает лень: «мне приходит на ум, что в “лени” содержится метафизический принцип Руси, и “лень” – то именно нас и охраняет от самых ядовитых зол» [11].

Бердяев ответил Розанову статьей «Апофеоз русской лени» (1916), в которой обвинил Розанова в «обывательщине» и боязни истории: «такое пассивно-ленивое, коллективно-органическое существование есть в сущности ещё существование полудремотное, полусонное, это – состояние невыявленности человеческой силы и человеческого призвания, лишь потенция жизни, а не сама жизнь» [3], тогда как в русском народе скрыта настоящая стихия, которая только ждёт своего часа.

Конечно, очень по-разному восприняли философы и разразившуюся Первую мировую войну. Если Розанов оценивает её как очищение, как мощный фактор сплочения народа перед опасностью и пробуждения славянофильских идей, то Бердяев воспринимает войну как отражение происходящего вокруг зла и как шанс России отказаться от собственной пассивности, чтобы начать исполнять предназначенную ей Богом миссию.

По мнению Бердяева, война Розанова «прекраснодушная» [5] и далекая от реального трагизма. Бердяев упрекает его в слишком лёгком отношении к Первой мировой войне, в романтизации этого ужасного кровопролития. Для Бердяева любая война – это лишь внешнее проявление духовного кризиса. «Всё, что совершается ныне на войне материально и внешне, – лишь знаки того, что совершается в иной, более глубокой, духовной действительности» [5], – отмечает Бердяев. Война глубоко трагична для каждого живого существа, оттого бесконечно серьёзна, поэтому Бердяев не может принять кабинетного воспевания войны Розановым. Война сама по себе не зло, но лишь рефлексия на происходящее зло. Таким образом, война является своего рода зеркалом, в котором отражаются все ужасы действительности, весь масштаб духовного кризиса общества, и это подмечает Бердяев в ответе Розанову. Война сама по себе не может что-либо создать, она лишь ознаменует конец старого и изобличает зло. Поэтому для Бердяева остается неприемлемым розановское почти языческое обоготворение войны, хотя он отдаёт должное художественному таланту Розанова и «зеркальности» его характера. Именно эта способность чутко улавливать и отражать общественные настроения позволила Розанову выразить всеобщий патриотический дух, превратившийся у него, как писал Д. С. Мережковский, в «соловьёв над кровью» [8].

Для Бердяева смысл войны заключается в победе над «бабьим и рабьим» [5], то есть над пассивностью и нуждой постоянно зависеть от других (например, как отмечает Бердяев, эта зависимость проявляется в «немецине», плотно засевшей в русской государственности). Так, русский народ, по Бердяеву, мог победить в Первой мировой, не разгромив немцев, а преодолев в себе бабье и рабье начала. «Розановское», бабье и рабье, национально-языческое, дохристианское всё ещё очень сильно в русской народной стихии. «Розановщина» губит Россию, тянет её вниз, засасывает, и освобождение от неё есть спасение для России. По крылатому слову Розанова, «русская душа испугана грехом», и я бы прибавил, что она им ушиблена и придавлена. Этот первородный испуг мешает мужественно творить жизнь, овладеть своей землей и национальной стихией», – подчёркивает Бердяев [5].

Первая мировая война, по Бердяеву, должна расставить все точки над *i* в споре славянофилов и западников, окончательно оставив его в прошлом, а также в корне изменить постановку вопроса о месте России в отношениях с Западом и Востоком. Однако не все ожидания Бердяева от войны сбылись. «Покаяние должно быть взаимным, и амнистия должна быть взаимной, и согласие на самоограничение и жертву должно быть взаимным. Верилось, что война приведёт к этому, но пока этого нет, и наши националистические идеологи мешают этому. Розановские настроения служат делу злобы, а не мира» [5], – пишет Бердяев.

Розанов видит будущее России в возвращении к «роду», в коллективизме, примате общества и государства над личностью, в то время как Бердяев настаивает на необходимости защиты личности и её прав, в особенности права на творчество. Если для Розанова государственность стоит выше искусства, а всякое искусство «блекнет» перед ликом Христа, ибо «во Христе мир прогорк» [12], то Бердяев видит в творчестве, в свободе личности стремление к вечности, соединению человека и Бога, рождение нового религиозного сознания, того, которое будет торжествовать в эпоху Нового Средневековья. Так, Бердяев надеется, что очищение, сплочение народа и спасение не в войне, а в творческом порыве, который не обнажает, но искореняет зло и утверждает новый мир. «Мир» этот, сам по себе взятый, достоин лишь огня, но в его истории утверждается иной, настоящий мир, в нём есть богочеловеческие связи, в нём есть творческие порывы к божественному космосу, в нём есть вселенский путь к новому небу и новой земле, в нём есть освобождение от зла, и с этим связан религиозный вопрос об утверждении мира», – пишет Бердяев [7].

Интересно впрочем, что у Розанова и Бердяева были и общие точки соприкосновения. Так, они рассматривали сущность и смысл государства со сходных позиций. Розанов в статье «Бердяев о религиозных исканиях Д. С. Мережковского» (1916) отмечал, что при всех возможных

недостатках государства, тем не менее, роль его огромна и значительна. Государство – это «защитник от частных злых волей» [9]. Розанов видит несовершенство этого института, указывает на его, видимо, вечную незавершённость и невозможность достичь абсолюта, но и требовать устранения его тоже считает невозможным, иначе «получим вместо одного “громдного Бирона” – маленьких Биронов на каждой улице, где они жмут, давят и режут, “потому что кто же им воспрепятствует”?! Воспрепятствовать может сила, которая сильнее их. Воспрепятствовать может сила, которая сильнее всякого индивидуального человека, всякой частной воли, “которая господствует надо всеми”. “Организация такой силы” и называется “государством» [9].

Бердяев придерживался схожих взглядов на функции государства. По его мнению, оно существует не ради власти, а как сдерживающая сила, обеспечивающая «минимум добра и справедливости» [1], поскольку «охраняет образ человека от звериных стихий, от поднимающейся снизу тьмы <...> защищает от переходящей все пределы злой воли» [2].

Есть пересечения и в политических идеалах мыслителей. И Розанов, и Бердяев являются сторонниками монархического правления. «Голод. Холод. Стужа. Куда же тут республики устраивать? Нет, я за самодержавие. Из тёплого дворца управлять “окраинами” можно. А на морозе и со своей избой не справишься», – считает Розанов [13]. В монархии он видит лучшую и единственно пригодную для России форму правления, прочность и сила которой при этом может быть обеспечена только искренней любовью и повиновением народа царю.

С розановской идеей истинной и «идущей от сердца» монархии согласен и Бердяев. Однако в выборе наилучшей формы правления он не был так категоричен. «Принудить народ к монархии нельзя будет, народ реально-жизненными путями сам будет решать формы правления в зависимости от своих верований», – напишет позднее Бердяев в «Новом Средневековье» [4]. Идеальная форма правления для Бердяева остаётся весьма абстрактной, хотя Бердяев и предполагает, что в будущем восторжествует монархическая форма правления, а массы «узнают своего вождя и героя» [4]. Стоит отметить при этом, что понимание монархии Нового Средневековья у Бердяева отличалось собственной спецификой.

Если рассуждения Розанова об идеальной форме правления более конкретны, он идёт от опыта, непосредственной жизни народа, то Бердяев остаётся в этих вопросах абстрактным. Розанов как бы обращается к русской монархии прошлого, к славянофильским образам, тогда как Бердяев описывает шаткость всех существующих форм правления и говорит о принципиально новом устройстве власти и общества будущего.

В работе «Самопознание» (1949) [6], которую Бердяев называл «философской автобиографией» и которая была издана уже после его смерти, он указывает на то, что между ним и Розановым лежит бездна. Несмотря на некоторую общность тем и отклик на вроде бы одни явления и события русской истории, взгляды авторов не совпадали, поскольку не совпадали подходы. Бердяев так объяснял это в конце жизни: «Наши мирозерцания и особенно наши мироощущения принадлежали к полярно противоположным типам» [6]. Действительно, мыслители рассматривали различные, пусть и во многом связанные проблемы. Если Розанов интересовал вопрос необходимости и плоти, то Бердяев волновал неразрывно связанный со свободой дух.

Бердяев и Розанов – два очень ярких и по-своему типичных представителя отечественной интеллектуальной мысли были самобытными и оригинальными философами, а также очень разными людьми в личном плане – разница в возрасте, разное происхождение, разные пути мировоззренческого становления и обстоятельства биографии, наконец, белый брак Бердяева и пятеро формально незаконнорожденных детей Розанова. Всё это привело к тому, что даже при взаимном интересе, по меткому выражению нашего современника, «для созвучия, для разговора у Бердяева и Розанова не было общего – того, что делает возможным не только крепкую дружбу, но и крепкую вражду» [16, с. 71].

Это, конечно, не означает бесплодность попыток сравнительного анализа подходов и социально-политических взглядов выдающихся мыслителей России конца XIX – первой половины XX в. За рамками нашего исследования, например, остались вопросы национализма и космополитизма, отношение мыслителей к демократии и социализму, а также восприятие революции, поскольку это предполагает более обстоятельное сравнение их общих концепций, не ограниченное полемикой Розанова и Бердяева в периодических изданиях.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – Москва : Республика, 1993. – 384 с.
2. Бердяев, Н. А. Философия неравенства. Письмо десятое: Об анархии / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/05.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Бердяев, Н. А. Апофеоз русской лени / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: http://yakov.works/library/02_b/berdyaev/1916_07_28_234.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Бердяев, Н. А. Новое Средневековье / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <https://predanie.ru/book/69700-novoe-srednevekove/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Бердяев, Н. А. О «вечно бабьем» в русской душе / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/rozanov.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: http://www.vokresensk.prihod.ru/users/25/1101525/editor_files/file/Бердяев%20Н.А.%20Самопознание.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Бердяев, Н. А. Христос и мир. Ответ В. В. Розанову / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/Xristos_i_mir, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Мережковский, Д. С. Соловьи над кровью / Д. С. Мережковский. – Режим доступа: <http://merezkovski.ru/proizved/solovi.php>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Розанов, В. В. Бердяев о религиозных исканиях Д. С. Мережковского / В. В. Розанов. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1916_berdyaev.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Розанов, В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Из армии и возле армии / В. В. Розанов. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_voyna_1914.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Розанов, В. В. Идея «мессианизма» (По поводу новой книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества») / В. В. Розанов // От Достоевского до Бердяева. Размышления о судьбах России. – Москва : Алгоритм, 2017. – 560 с.
12. Розанов, В. В. О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира // В темных религиозных лучах. Темный лик / В. В. Розанов. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1908_v_temnyh_luchah.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Розанов, В. В. Опавшие листья / В. В. Розанов. – Москва : АСТ, 2004. – 383 с.
14. Розанов, В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / В. В. Розанов ; под общ. ред. А. Н. Николоюкина. – Москва : Республика, 1996. – 702 с.
15. Розанов, В. В. Среди художников / В. В. Розанов. – Москва : Республика, 1994. – 496 с.
16. Тесля, А. А. Розанов и Бердяев: в полемике и переключке тем / А. А. Тесля // Тетради по консерватизму. – 2018. – № 2. – С. 64–72.

References

1. Berdyaev, N. A. *O naznachenii cheloveka* [About the appointment of a person]. Moscow, Respublika Publ. House, 1993, 384 p.
2. Berdyaev, N. A. *Filosofiya neravenstva. Pismo desyatoe: Ob anarkhii* [Philosophy of Inequality. Lettre Ten: On Anarchy]. Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/05.html>.
3. Berdyaev, N. A. *Apofeoz russkoy leni* [The apotheosis of Russian laziness]. Available at: http://yakov.works/library/02_b/berdyaev/1916_07_28_234.htm.
4. Berdyaev, N. A. *Novoe Srednevekove* [New Middle Ages]. Available at: <https://predanie.ru/book/69700-novoe-srednevekove/>.
5. Berdyaev, N. A. *O "vechno babem" v russkoy dushe* [About "forever woman" in Russian soul]. Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/rozanov.html>.
6. Berdyaev, N. A. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Available at: http://www.vokresensk.prihod.ru/users/25/1101525/editor_files/file/Berdjaev%20N.A.%20Samopoznanie.pdf.
7. Berdyaev, N. A. *Khristos i mir. Otvet V. V. Rozanovu* [Christ and the world. Reply to V.V. Rozanov]. Available at: http://www.odinblago.ru/Xristos_i_mir.
8. Merezkovskiy, D. S. *Solovi nad krovyyu* [Nightingales over blood]. Available at: <http://merezkovski.ru/proizved/solovi.php>.
9. Rozanov, V. V. *Berdyaev o religioznykh iskaniyakh D. S. Merezkovskogo* [Berdyaev on the religious quest of D. S. Merezkovsky]. Available at: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1916_berdyaev.shtml.
10. Rozanov, V. V. *Voyna 1914 goda i russkoe vrozozhdenie. Iz armii i vozle armii* [The War of 1914 and the Russian Renaissance. From the army and near the army]. Available at: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_voyna_1914.html.

11. Rozanov, V. V. Ideya "messianizma" (Po povodu novoj knigi N. A. Berdyaeva "Smysl tvorchestva") [The idea of "Messianism" (About the new book by N. A. Berdyaev "The Meaning of creativity")]. *Ot Dostoevskogo do Berdyaeva. Razmyshleniya o sudbakh Rossii*. Moscow, Algoritm Publ. House, 2017, 560 p.
12. Rozanov, V. V. O Sladchayshem lisuse i gorkikh plodakh mira [About the sweetest Jesus and the bitter fruits of the world]. *V temnykh religioznykh luchakh. Temnyj lik* [In the dark religious rays. Dark face]. Available at: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1908_v_temnyh_luchah.shtml.
13. Rozanov, V. V. *Opavshie listya* [Fallen leaves]. Moscow, AST Publ. House, 2004, 383 p.
14. Rozanov, V. V. *Sobranie sochineniy. Legenda o Velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Lit. ocherki. O pisatelstve i pisatelyakh* [Collected works. The legend of the Grand Inquisitor F. M. Dostoevsky. Literature Essays. About writing and writers]. Moscow, Respublika Publ. House, 1996, 702 p.
15. Rozanov, V. V. *Sredi khudozhnikov* [Among the artists]. Moscow, Respublika Publ. House, 1994, 496 p.
16. Teslya, A. A. Rozanov i Berdyaev: v polemike i pereklichke tem [Rozanov and Berdyaev: in the polemic and roll call of topics]. *Tetradj po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2018, no 2, pp. 64–72.